

РАБСТВО В ДРЕВНЕМ ДВУРЕЧЬЕ

Акад. Н. М. Никольский

Изучение вопроса о формах и истории рабства в странах древнего Востока является первоочередной задачей советской исторической науки. Буржуазная ориенталистика уделяла вопросу о древневосточном рабстве мало внимания. Советская историческая наука выдвинула правильное общее положение о рабовладельческом характере древневосточных обществ; однако до сих пор конкретные формы, роль и значение рабства в отдельных странах древнего Востока не подверглись систематическому исследованию. Настоящая статья ставит своей задачей дать обзор документального материала о рабстве в государствах древнего Двуречья в свете руководящих указаний Маркса и Энгельса о характере древневосточного рабства.

По определению Маркса и Энгельса, рабство на Востоке существенно отличалось от античной «системы рабства». При последней рабство «представляет господствующую форму производительного труда в земледелии, мануфактуре, судоходстве и т. д., как было в развитых государствах Греции и в Риме»¹. «Иное дело,—говорит Энгельс,—домашнее рабство на Востоке: здесь оно не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом (рабыни гарема)»². Изучая это указание Энгельса, мы прежде всего должны определить, в чем заключается сущность домашней формы рабства. Маркс и Энгельс дают для разрешения этого вопроса два указания. Прежде всего, в вышеприведенном высказывании Энгельса отмечается тесная связь домашней формы рабства с восточной патриархальной семьей. Отсюда ясно, что домашняя форма рабства является непосредственным развитием патриархальной системы рабства. Далее, отличительный признак последней, по определению Маркса, заключается в том, что она «направлена на производство непосредственных жизненных средств». Эта система превращается в некоторые высшие формы рабства, в зависимости от влияния торговли и развития купеческого капитала. Именно, как говорит Маркс, в античном мире это влияние «имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство», «а иногда» (т. е., надо полагать, в других областях древнего мира) «оно приводит к превращению патриархальной системы рабства... в рабовладельческую систему, напра-

¹ «Капитал», т. II. М. и Э., Соч., т. XVIII, стр. 513.

² «Диалектика природы», изд. 6-е, стр. 49, ср. «Происхождение семьи». М. и Э. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 133.

вленную на производство прибавочной стоимости»¹. Сопоставляя эти слова Маркса с высказыванием Энгельса, мы можем в качестве рабочей гипотезы предложить определение восточной системы домашнего рабства, как системы, сохранявшей, с одной стороны, черты патриархального рабства (производство непосредственных жизненных средств), но, с другой стороны, направляемой также и по линии производства прибавочной стоимости, которая могла быть реализована в виде товаров. Удельный вес рабства при этом может колебаться в зависимости от целого ряда конкретных условий—от степени развития производительных сил, от степени развития частного землевладения, ремесла, торговли, торгово-ростовщического капитала. Анализ конкретного материала о рабстве во в с е х странах древнего Востока даст возможность проверить правильность нашей рабочей гипотезы.

І. Рабство в Шумере и Вавилоне III и II тысячелетий

Документальный материал о рабстве в странах древнего Двуречья по обилию текстов и по их содержанию занимает первое место в сравнении со скудными документальными данными о рабстве, имеющимися в письменных памятниках Египта и других стран древнего Востока. Поэтому он имеет первостепенное значение для разрешения проблемы древневосточного рабства.

Документы о рабстве в Двуречье называют рабов и рабынь бесспорными терминами (шум. *ugi*, *arad*—«раб», *geme*, *gin*—«рабыня», *šinu-gab*—рабы обоого пола, аккад. *wardum*—«раб», *amtum*—«рабыня», *aštapiru*—рабы обоого пола) и содержат весьма значительный и разнообразный материал. Тут имеются и правовые нормы, и договоры о продаже и покупке рабов, и акты о превращении людей в рабов и об освобождении рабов, и судебные дела, связанные с владением рабами, и деловая переписка, так или иначе затрагивающая рабовладение, и, наконец, хозяйственные документы, свидетельствующие о применении рабского труда в отдельных отраслях производства. Этот богатый материал происходит из всех эпох истории древнего Двуречья, начиная с шумерской и кончая персидской.

Прежде всего остановимся на источниках рабства и на вопросе о численности рабов по документальным данным III и начала II тысячелетия (до конца первой вавилонской династии). Рабы и рабыни добывались прежде всего посредством покупки, преимущественно в соседних с Двуречьем странах—Амурру, Гутиу, Сури, Эламе и др. Покупка рабов обычно поручалась дамкарам, т. е. торговым агентам царей, патеси и храмов, причем дамкары обычно покупали рабов попутно, при закупке других товаров. О числе приобретаемых таким способом рабов можно судить по прямым указаниям. Например, из Лагаша, из эпохи 2800—2700 гг. и из эпохи III дин. Ура, есть документы о покупках через дамкаров разного числа рабов; отсюда же имеется документ о покупке 17 рабынь для храма; из царствования Хаммураби имеется документ, говорящий о привозе дамкаром одного раба из Сури². Имеются также данные о числе рабов у отдельных владельцев. Больше всего рабов было у хра-

¹ «Капитал», т. III. М. и Э., Соч., т. XIX, ч. I, стр. 360.

² М. В. Н и к о л ь с к и й, Документы хоз. отчетности древнейшей эпохи Халдеи, т. I, № 293; Delaporte, Inventaire des tablettes de Tello, conservées au Musée Ottoman, т. I, № 1120, 1167; т. II, ч. 2, № 4448, 4551, 5854, 5855 (2800—2600 гг.); II, ч. I, 746, 748, 751, 832, 923; т. IV, № 7066, 7728, 7729 (III дин. Ура); Reissner, Tempelurkunden aus Tello, № 174—12. KB, hrsgg. v. E. Schrader, т. IV, стр. 44—45, 111.

мов и царей. При Урукагине (ок. 2700 г.) богине Бау принадлежало 142 рабыни и 4 раба¹; дочь царя Урукагины дала Бау 8 рабов и трех рабынь². Есть еще несколько документов, свидетельствующих об относительно значительном количестве рабов, принадлежавших храмам и царям. Из эпохи Урукагины есть документ, перечисляющий 96 рабынь, принадлежащих либо дворцу, либо царю, либо храму. Из эпохи III дин. Ура есть из Лагаша очень важный документ, содержащий списки рабынь патеси за 10 лет: первые два года—24 рабыни, следующие три года—43 рабыни, следующие три года—50 рабынь, последние два года—45 рабынь. Весьма интересен один дефектный документ эпохи древневавилонской династии, к сожалению без точной даты и места происхождения. Он, повидимому, говорит о распределении 60 рабов между отдельными лицами, которые, вероятно, являются царскими сановниками и получают рабов в подарок от царя. В документе сохранилось только начало реестра—поименовано 10 лиц, из которых одно получило 9 рабов, одно—3 рабов, два—по 2 раба и остальные шесть—по одному рабу³. Отсюда видно, что даже число царских и храмовых рабов измеряется чаще всего только десятками и значительно лишь в сравнении с числом рабов, находившихся во владении частных лиц, у которых редко бывало больше 10 рабов⁴. О том же свидетельствуют и документы о внутренних сделках на продажу рабов. Нет никаких данных, которые свидетельствовали бы о существовании крупной работорговли внутри страны. Мы не имеем ни одного документа о покупке или продаже партии рабов, дело идет почти всегда о продаже только нескольких рабов в пределах одного десятка, и притом продавцами являются не работорговцы, а частные владельцы рабов. Характерно, что вместе с рабами покупается скот (бык, баран), рабы меняются на ослов, служат придачей к серебру при сделках на землю⁵.

Другой источник рабства—это патриархальное право отца и связанные с этим правом обычаи долгового права. Как известно, в древнем мире это явление было широко распространено. «Полномочие в случае нужды продавать себя и своих близких было правом, которое терпели всюду; это право признавали и в северных странах, и у греков, и в Азии; почти так же повсеместно было распространено право кредитора брать себе в холопы должника, не уплатившего своего долга, и, насколько возможно, обеспечивать себе уплату долга его трудом или продажей его личности»,—говорит Маркс, ссылаясь на Нибура⁶. В Двуречье, уже начиная с эпохи III династии Ура, встречаются документы о продаже в рабство родите-

¹ Н и к о л ь с к и й, цит. соч., № 1 и 5, перевод термина *geme*—«служанки» неверен (стр. 12): термин означает рабыню. Мужчины обозначены общим термином *galu* (т. е. *ka1*—человек); но здесь могут иметься в виду только рабы.

² Н и к о л ь с к и й, цит. соч., № 174. Документ изложен на стр. 36 неполно; ср. о дарении рабов *Genouillac*, *Une consécration d'esclaves aux dieux*, OLZ, 1909, III, стр. 110—111.

³ *Delaporte*, т. II, ч. 2, № 4495; т. II, ч. 1, № 762; Р и ф т и н, Старовавилонские документы, № 144, стр. 156.

⁴ *Schwenzger*, *Zum altbabylonischen Wirtschaftsleben*, сводные данные на стр. 36.

⁵ Шумерская эпоха—*Delaporte* дает цифры от 1 до 10 рабов; в одном документе (II, ч. 2, № 5854) 29 рабов приводятся дамкарот, т. е. из-за рубежа; т. II, ч. 2, № 4576—раб и баран; 5853, 5885—рабы меняются на ослов; Н и к о л ь с к и й, цит. соч., т. I, № 17—8 рабов и № 293—3 раба; *Muhrtan*, *Sumerian administrative documents from Nippur*, стр. 60—61—2 раба; *Genouillac*, *Textes juridiques de l'époque d'Our*, № XII, XIV (по одной рабыне), IV (семья раба), в *RAs*, 1911, № I—II; *Morgan*, *Délégation en Perse*, II, стр. 24 (обелнск Манинштусу); Древневавилонское царство—*Schorr*, *Urkunden des altbabylonischen Zivil- und Prozessrechts*, № 79, 80, 81, 82, 84, 85—по одному рабу или рабыне; *Daisies*, *Altbabylonische Rechtsurkunden*, № 21—26—по одному рабу; № 24—рабыня и бык, ср. сводку, стр. 8—10.

⁶ «Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 174.

лями детей, преимущественно дочерей, не упоминающие о долговых обязательствах продавцов, но указывающие только уплаченную цену, натурой и в серебре. Такие документы, несомненно, свидетельствуют о случаях продажи детей родителями (обычно отцом, иногда матерью-вдовой и братом) из-за нужды¹. Но и долговое рабство было также заметным явлением в классовых отношениях Двуречья разбираемой эпохи. О существовании этого права в эпоху III дин. Ура свидетельствуют документы из собрания *Muhrtan'a* (№ VIII, IX). Оно было подтверждено в кодексе Хаммураби (ст. 115—117), который внес в прежние обычаи только точное ограничение срока долговой кабалы тремя годами.

Из § 117 кодекса Хаммураби видно, что обычай долговой кабалы базировался также до известной степени на патриархальной власти отца. Указанный параграф свидетельствует, что неисправные заемщики обычно вместо себя «продавали» в рабство или отдавали в кабалу кредитору членов своей семьи. Общее количество долговых рабов в III и в начале II тысячелетия, вероятно, было довольно значительно, но у каждого отдельного владельца таких рабов было немного. Кодекс Хаммураби также показывает, что долговое рабство сохраняло свой первоначальный характер домашнего рабства, при этом даже смягченного. Ст. 115 и 116 кодекса Хаммураби называют долгового раба не обычным термином *wardum*, обозначающим раба, но *nibutum*, т. е. «задержанным», т. е. взятым в дом (*bitu*) кредитора, своего рода залогом. Эти статьи устанавливают в случае насильственной смерти *nibutum* «от ударов» или «дурного обращения» ответственность кредитора, причем если убитый *nibutum* является сыном свободного, то кредитор платит штраф в $\frac{1}{3}$ мины серебра. Отсюда видно, что кодекс Хаммураби рассматривал долговое рабство как временную потерю личной и хозяйственной свободы, не уничтожавшую для *nibutum* других прав свободных людей. Надо особенно отметить, что долговое право в Вавилонии также не было орудием экспроприации непосредственных производителей. Непосредственный производитель, впавший в долги, лишался на три года одной единицы домашней рабочей силы, но сам не отрывался обязательно от средств производства. Такой характер долгового рабства был обусловлен постоянным существованием общины и общинного обычного права. В силу последнего, например, общинник, взявший ссуду за отработку (обычно на жатве), мог всегда рассчитывать на помощь общины, которая давала ему заместителя, если он не мог отработать долга сам². Этот момент является существенным отличием восточного долгового рабства от античного. От уподобления той и другой формы долгового рабства предупреждает и Маркс, который, отмечая разрушительную и революционную роль ростовщика при докапиталистических способах производства, оговаривается, что «при азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и коррупции»³.

¹ Из III дин. Ура—*Genouillac*, *Textes juridiques de l'époque d'Our*, № II, V, XI, XVI (последние два есть в русск. перев. «Древний мир в памятниках его письменности», сост. Жариновым, Никольским и др., ч. I, № 39); *Delaporte*, т. II, ч. I, № 830 (брат продает брата); *Muhrtan*, № 1 (мать и сестра ответственны за побег проданного раба); из эпохи I вавилонской династии—*Schorr*, *Urkunden*, № 77, 78 и ссылки у *Cuq*, *Etudes sur le droit babylonien*, стр. 317—318.

² См. мою статью «Община в древнем Двуречье», ВДИ, 1938, № 4(5), стр. 88—90. Документ *Muhrtan*, № IV (стр. 56), в котором говорится, что если должник не заплатит в срок долги (зерном), то за него обязуется заплатить другое лицо, названное по имени, является свидетельством о существовании обычая общинной взаимопомощи.

³ «Капитал», т. III, изд. 8-е, стр. 428.

Нормы кодекса Хаммураби в основном подтверждают такой же, преимущественно домашний, характер прямого рабства. Прежде всего надо указать, что рабов, как основных непосредственных производителей на земле, кодекс вообще не знает. Из 282 статей кодекса рабов касаются всего 24 статьи, содержание которых свидетельствует о домашнем характере прямого рабства в эпоху Хаммураби. Закон занимается главным образом следующими вопросами, связанными с рабством: 1) о вознаграждении рабовладельцев за увечье или убийство раба или рабыни, 2) об укрывателях беглых рабов и вознаграждении за поимку последних, 3) о залоге и продаже рабов, 4) о правовых отношениях, возникающих в связи с браками рабов или рабынь со свободными. Яснее всего последняя категория статей, которая, конечно, может иметь в виду только домашних рабов. Из статей первой категории ст. 116 и 231 прямо говорят о рабах в доме кредитора или господина; статьи третьей категории имеют в виду те мелкие сделки на продажу и покупку домашних рабов, о которых сказано выше. Устанавливаемая кодексом тяжелая ответственность за увечье и убийство рабов и высокая оценка рабов как залогового объекта свидетельствуют о том, что рабов немного и ими дорожат. В этом отношении кодекс Хаммураби стоит на том же уровне, как, например, Саксонская Правда конца VIII в., устанавливающая за убийство раба штраф в 36 солидов. О домашнем характере рабства этой эпохи свидетельствуют также обычаи, связанные с освобождением рабов. Раб освобождается либо при условии доставлять своему владельцу средства до его смерти, либо за выкуп, либо через усыновление¹. Эти условия мыслимы также только в рамках домашнего рабства. Только домашний раб мог быть усыновлен; только домашний раб мог скопить средства для выкупа или достать средства для содержания господина после освобождения на этом условии.

В документальном материале о шумерско-вавилонском рабстве также отчетливо выступают черты, унаследованные от эпохи патриархального рабства. Этот момент связан с фактом стойкого существования на Востоке семьи патриархального характера. Бесплодие жены, согласно кодексу Хаммураби, давало мужу право или взять себе вторую или побочную жену (*sugetum*) из свободных или рабынь, или «отвергнуть» бездетную жену, вернув ей при этом ее приданое и подарки², с которыми она пришла в дом мужа (§ 145, 138). Бездетная жена имела право сама дать мужу *sugetum* из числа своих рабынь³; такая *sugetum* оставалась во власти жены и если не рождала детей, то возвращалась в свое первоначальное состояние полной рабыни (§ 146, 147). Так обстояло дело по закону; но на практике при всяких условиях любой господин мог брать себе в наложницы любую рабыню, не предоставляя ей никаких прав. Дети, рожденные рабынями, были ограничены в правах. Наследовать могли только дети от главной жены (*hirtum*); дети рабыни (и соответственно дети *sugetum*) могли наследовать наравне с детьми от *hirtum* только в случае их формального признания (усыновления) отцом посредством формулы «мои дети» (§ 170); дети от рабыни, однако, во всяком случае оставались свободными (§ 171). Таким образом, рабство, внедрившееся внутрь домашней общины, уничтожало прежнее равенство членов семьи и превращало последнюю в соединение взаимно враждебных составных элементов. Это

¹ Meissner, *Babylonien und Assyrien*, т. 1, стр. 379—380; усыновление—Schorr, *op. cit.*, № 23—30; образец освободительной грамоты—Ungnad, *Babylonische Briefe aus der Zeit der Hammurapi-Dynastie*, № 101.

² О материальной стороне брака см. Ciqu, *Etudes sur le droit babylonien*, стр. 25—48.

³ Ср. интересный комментарий с израильскими параллелями у Cruveilhier, *Commentaire du Code d'Hammourabi*, стр. 148—149.

приводило к частым столкновениям внутри семейной общины, «оскверненной рабством». Нравы, господствовавшие в семье вавилонского рабовладельца, во многом напоминают семейные израильские нравы, описанные в преданиях кн. Бытия о патриархах.

Описанные черты семейного быта древневавилонских рабовладельцев говорят о том, что частное право пускало в III—II тысячелетиях только свои первые ростки. При таком положении дела применение труда рабов с целью получения прибавочного продукта для сбыта на рынке могло иметь лишь весьма ограниченные размеры.

В связи с этим необходимо поставить вопрос, какую роль в развитии рабства в Двуречье этой эпохи имели войны, дававшие значительные количества военнопленных. Первые указания на привод рабов из военнопленных в царских надписях III и II тысячелетия мы имеем в надписях царей Аккада, Римуша (Эримуша), сына Шаррукина (Саргона), и Маништусу. Римуш после победы над эламитами подарил Энлилю 30 мин золота, 3 600 мин серебра и 6 рабов; Маништусу также подарил Энлилю раба из военнопленных¹. Кроме этих бесспорных данных, в надписях Римуша имеются еще данные довольно сомнительного характера. Римуш хвалится, будто в его сражении с патеси Ура и Уммы последние потеряли 8 040 убитыми и 5 460 пленными, а в бою против патеси города Казалла последний потерял 12 650 убитыми и 5 864 пленными². Но эти цифры, так же как, например, еще более крупные цифры в надписи египетского фараона Менеса, являются хвастливым преувеличением. Ненадежность этих цифр очевидна из того, что они предполагают армий численностью в несколько десятков тысяч человек. Но на самом деле при тогдашней редкости населения вряд ли возможно допустить, чтобы такие небольшие области, как владения шумерских патеси, могли выставить войско, превышавшее 3—5 тыс. человек³, а тогда военнопленные в лучшем случае могли считаться только сотнями. Надежные данные о значительном числе рабов из военнопленных и покоренных имеются только из эпохи III династии Ура. Царю Шульги (Дунги) удалось подчинить своей власти часть Элама, которая оставалась под властью Ура и при ближайших преемниках Шульги. Походы Шульги дали значительное количество рабов из военнопленных, а после походов, кроме выкачивания дани, цари Ура стали периодически пригонять в Ур партии рабов из Элама⁴. Этот приток рабов, несомненно, дал толчок к временному росту рабской силы в царском хозяйстве, но, как будет показано ниже, главным образом на строительных работах. Однако завоевание Ура Эламом при Ибисине, последнем царе III династии, положило конец этому кратковременному расцвету рабства.

Из этих документальных данных вытекает, что применение рабского труда в основных отраслях производства с целью получения прибавочного продукта в III и II тысячелетиях, конечно, не могло играть важной роли. Рабы и рабыни употребляются в частном хозяйстве по преимуществу для домашних услуг и работ (рабыни-ткачихи, поварики и т. п.), в земледелии изредка для пахоты, а чаще всего для сезонных работ (на жатве) вместе

¹ M e n d e l s s o n, Legal aspects of slavery in Babylonia, Assyria and Palestine, стр. 52—53.

² M e i s s n e r, Babylonien und Assyrien, т. I, стр. 84.

³ О численности войска, какое мог выставить в конце III тысячелетия мелкий шумерский или семитский царек, дает понятие надпись царя Киша, Ашдуни-Эрима, современника первого царя древневавилонского царства, Сумуабу: войско Ашдуни-Эрима насчитывало всего 300 человек. Ср. T h u r e a u - D a n g i n, RAs, 1911, № 1—11, стр. 66.

⁴ K i n g, History of Sumer and Akkad, стр. 287, 292.

с другими рабочими людьми, в скотоводстве—в качестве пастухов¹. Лишь в царском и храмовом хозяйстве этой эпохи встречаются случаи более широкого применения рабов на различных работах не только вспомогательного, но и чисто производственного характера, вместе и наравне с общинниками и наемными людьми. Это наблюдается отчасти в эпоху династии Шаррукина в Аккаде, в середине III тысячелетия, а особенно в эпоху III династии Ура (около 2294—2187 гг.).

Прежде всего следует отметить, что имеются основания говорить о применении рабского труда в царском и храмовом земледельческом хозяйстве. Из царствования Урукагины в Лагаше дошло до нас несколько документов о распределении небольших полей из царской и храмовой земли (от 10 до 24 сар; сар—около 35 кв. м.) для посева зерна и огородных растений. Поля распределяются между «земледельцами» (arín), с выдачей им посевного материала. По всей вероятности, эти arín были рабами. В каждом из пяти типичных документов этого рода общая площадь распределяемой земли не превышает 2 га; другими словами, здесь дело идет о карликовых участках грядковой культуры, которые, принося хороший урожай, все же даже в общей сложности не давали массового количества продуктов. Далее, работники в царских и храмовых садах той же эпохи, называемые iginusar (младшие садовники), duatar (землекопы) и iginudu (подавальщики воды из каналов), вероятно, были также рабами². Бесспорным является применение рабского труда в храмовом и дворцовом хозяйстве—в ремесленном производстве. Особенно важно отметить применение рабского труда в ткацком деле. В эпоху III дин. Ура в Лагаше был специальный «дом тканей» Тигабба, где работали десятки рабынь-ткачих (свыше 68) и рабов-сукновалов (до 30); они, конечно, в первую голову обслуживали нужды дворца и храмов, одевая патеси и его двор, а также богов, богинь и жрецов³. Кроме того, рабыни трудились на кухне, рабы—в столярных мастерских, на постройке речных судов, в качестве каменотесов. Вероятно, рабский труд применялся также в обширных литейных и гончарных и каменных мастерских царского дворца в Мари (конец III—начало II тысячелетия). Акад. В. В. Струве пытается доказать, что в эпоху III династии Ура рабский труд стал господствующим в сельскохозяйственном производстве, которое при этом приобрело якобы характер крупного «латифундиального» хозяйства. Свое положение акад. Струве строит на новом толковании некоторых терминов, встречающихся в хозяйственных документах III тысячелетия. Поэтому документальный материал хозяйственной отчетности из эпохи III династии Ура заслуживает нашего особого внимания.

Царских и храмовых хозяйственных документов всякого рода, в том числе записей прихода натуральных повинностей, нарядов на работу и рас-

¹ Ср. М. В. Никольский, цит. соч., т. II, № 9, 144; о других документах отсюда см. ниже; Genouillac, Tablettes sumeriennes archaïques, № 10—13, ср. сводку у Meissner'a, цит. соч., т. I, стр. 378—379; Delaporte, т. II, ч. I, № 845, 856 (рабы-пастухи). Из древневавилонского царства—Ungnad, Briefe, № 77—4 раба на жатву, № 140—рабыни-ткачихи; рабы-пастухи—ср. шумер. печать Weber, Altorientalische Siegelbilder, II, № 405 (Lenormant, Histoire ancienne de l'Orient, т. IV, стр. 102).

² Об arín на полях см. М. В. Никольский, Документы хозяйственной отчетности, т. I, № 45, 47, 48, 49, 50, 51; сюда же надо относить реестры полей с обозначением земледельцев, но без указания выдачи семян (№ 30, 38, 40, 42, 43, 44 и пр.). О садовых работниках—см. Genouillac, Tablettes sumeriennes archaïques, № 14, 15, 16, 25; usar (садовники) в № 42 и 43 были, вероятно, свободными, служащими храмового хозяйственного аппарата. Delaporte, т. II, ч. I № 790 (садовники, виноградари).

³ Delaporte, т. II, ч. I, № 619, 661, 722, 902, 904, 907, 913. Об одеваии богов—см. Meissner, т. I, стр. 256—257, т. II, стр. 42, 85, 120.

четных листов натуральной и денежной оплаты труда и довольствия работающих, имеется из эпох династии Аккада и III династии Ура не менее 15—20 тысяч. Небольшая часть их опубликована полностью с транскрипцией и переводом, главным образом, М. В. Никольским, Женульяком, Легреном и Пинчесом; часть опубликована в клинообразных оригиналах Женульяком, Тюрро-Данженом, Рейснером и в последнее время Меек'ом. Но огромное количество этих документов еще совсем не издано, например около 10 тысяч документов из Телло, находящихся в Оттоманском музее в Стамбуле. Все эти документы имеют первостепенную важность для разрешения вопроса об удельном весе в сельскохозяйственном производстве различных видов труда в III тысячелетии до н. э. Поэтому их исследование должно стать первоочередной задачей историков-марксистов, исследование исчерпывающее и всестороннее, опирающееся прежде всего на совершенно точное и бесспорное толкование терминов. При теперешнем положении дела с изданием документов мы еще не можем сделать окончательных выводов о роли и удельном весе различных видов труда в сельском хозяйстве Двуречья III тысячелетия. Но предварительные и притом вполне надежные наблюдения сделать можно.

Из них первое и самое главное заключается в том, что в документах III тысячелетия одновременно и рядом мы встречаем рабочих людей трех, а возможно, и четырех категорий. Терминология документов—совершенно ясная и не допускающая никаких сомнений. В документах чаще всего встречается термин *kal*—человек, сильный, взрослый, в применении к рабочим людям—рабочий вообще. Эти *kal* дифференцируются. Мы встречаем: 1) *kal-erin*, *kal-erin-adu*—«барщинные» люди (как толкуют французские ассириологи), вернее, общинники, привлеченные на царские принудительные работы¹. 2) *kal-ud*—люди поденные, например, *kal-ud-I-šu*—рабочий на день (Ник. II., № 98 сл.). 3) *kal-sag-dub*—рабочие, нанятые по полному (?) тарифу². 4) *kal-arad*, т. е. люди-рабы³, рядом с которыми упоминаются *gim*—рабыни. Кроме того, встречаются *arip*—пахари, земледельцы. Есть, однако, документы, где термин *kal* стоит без точного определения, и тут открывается поле для толкования и догадок.

Оставляя пока в стороне документы из Уммы, привлекаемые акад. Струве для истолкования термина *kal* в смысле «раб», я остановлюсь сначала на аналогичных документах оттуда же и из той же эпохи, изданных М. В. Никольским (т. II). Прежде всего следует отметить, что здесь в одних и тех же документах *kal* дифференцируются от рабов. Так, в № 1 мы имеем 485 *kal* и 32 *arad patesi-ka* (рабов патеси), в № 5—509 *kal* и 30 *arad patesi-ka*. В других документах *kal* относятся к категории *erin*, но также дифференцируются от рабов, напр. в № 7—586 *kal* и 22 *par (?) erin-adu*, и № 9—576 *kal-erin-mah* (576 *kal* под начальством надсмотрщика над «барщинными»), 10 *arad patesi-ka*, 50 *gim-har* (рабынь-поварих), 15 *gim qu-šu-du-mah* (рабынь при главном пивоваре). Затем, отметим, что имеется целая серия документов (№ 98—165), где фигурируют *kal-ud*, поденные рабочие, которых акад. Струве вслед за М. В. Никольским (см. т. II, стр. 10) считает наемными рабочими. Уже эта тщательная дифференциация

¹ Ср. *Le grain*, *Le temps des rois d'Ur*, стр. 35, 38—*erin*=*corvéable*; М. В. Никольский, цит. соч., II, № 6 и 8 и др. Этот же термин в применении к людям, привлеченным на работы для дома царя, фигурирует в документах древневавилонского царства—Рифтин, Старовавилонские документы, № 114, 116, 143.

² *Le grain*, *op. cit.*, стр. 135; целый ряд документов о наймитах перечислен в цит. инвентаре *De la porte*, vol. II, part. I, № 617 сл., vol. IV, № 7061, 7068 и др.

³ *arad (-uru)*—технический шумерийский термин для обозначения раба.

рабочих в документах показывает, что *kaI* и *arad* (рабы)—это две различные категории рабочих людей. Кто же эти *kaI* без обозначения их категорий? Бесспорный ответ на это дает документ Ник. II, № 9, где *каль* ставятся под начальство *erīn-maḥe*, начальника над «барщинными» людьми. К тому же выводу нас приводит и документ Ник. II, № 3, в котором 1 619 *kaI*, 21 «строитель» и 11 кузнецов обобщены под термином *erīn-še-adu*, и совершенно аналогичный № 4. Таким образом, надо думать, что *kaI* без дифференциации—это то же, что *kaI-erīn-adu*, т. е. общинники, привлеченные к работам «на дом царя». К такому же толкованию склоняется и М. В. Никольский. По его мнению, документы говорят о содержании «значительных групп барщинных людей, призываемых к отбыванию тех или других повинностей, по всем признакам, государственного характера»¹. М. В. Никольский, конечно, допустил ошибку, объединяя *kaI* с *arad* и *gim*, которых он не считает рабами; но его догадка, что дело здесь идет о работах на дом царя, совершенно правильна. Бесспорное основание для такого толкования дает № 14, который дошел в неполном виде, но все же сохранил самое главное. Документ содержит реестр 2 533 рабочих, находящихся в ведении разных лиц, в числе которых упоминаются *pubanda* (дворецкий), главный писец, надзиратели храмов и другие лица, названные просто по именам. 2 533 рабочих, очевидно, выполняли какую-то работу по одному и тому же наряду, в одном и том же месте и получили содержание по одному и тому же документу, хотя были присланы из разных мест. Если теперь мы обратимся к документам о *kaI-ud*, то и эти *kaI* окажутся, всего вероятнее, не наемными работниками, но людьми, призванными на царскую работу. Яснее всего следующие документы: № 119—«13 *kaI-ud* на 2 дня во двор дома царя рубить деревья и погружать на порожнее судно для починки, на 14 дней во двор царя связывать туши волов и отправлять на судне в Ниппур»; № 115—«13 рабочих на 1 день заделывать крышу в доме царя»; № 129—«72 рабочих на 1 день для оросительных работ, укреплять берег травой и корзинами (фашинами), 42 рабочих на 1 день для заделывания разрыва (в плотине)»; № 136—«18 рабочих на 6 дней—предупредить разлив реки (канала?) Лата засыпкою земли»; № 159—«480 рабочих на 1 день для жатвы хлеба; 15 рабочих на 1 день собирать овощи; 134 рабочих на 1 день молотить зерновой хлеб и убирать в зернохранилище; 702 рабочих на 1 день для проведения воды в поле Гуэддин» (везде—*kaI-ud*). В этих документах перечисляются обычные виды работ на дом царя—на ирригационных сооружениях, на сезонных земледельческих работах, на мелких работах во дворе и во дворце царя².

Можно легко объяснить, почему вместе с *kaI* упоминаются и *arad*, ибо сановники обязаны были наряжать на работу не только общинников, находившихся в их ведении, но и рабов, как это видно из касситских и ассирийских льготных грамот и из архива ассирийских царей³. Круг наших наблюдений замкнется, если мы укажем еще, что в документах иногда точно указывается и тот срок, на который привлекались для работы

¹ Цит. соч., т. II, стр. 5; ср. также примечание на стр. 4.

² Ср. из этой же категории документов также № 133 (проведение дороги), 118 (работы на ирригации), 123 (сельскохозяйственные работы) и др. Следует отметить, что по царским нарядам подобные же работы производились трудом *kaI* также в храмовых хозяйствах—ср., например, № 138 и др.

³ Ср. кудурру Мелишипак, *BzA V. VIII*, 2, стр. 4—7; кудурру Ассурбанипала, *BzA, II*, 3, стр. 566 (строки 23—25, где *niše*, несомненно, обозначает рабов—см. об этом ниже, об ассирийских рабах). Прямое указание о наряде 190 царских рабов вместе со свободными людьми имеется в архиве Саргона, см. *W a t e r m a n, Royal Correspondence of the Assyrian Empire, v. I*, № 99.

партии *kal*—на 2 дня, 3 дня, 6, 7, 10, 13, 16, 30 и т. д.¹ Эти документы о *kal* надо, конечно, сопоставлять с известными распоряжениями Хаммураби о нарядах на царскую работу, в которых упоминаются как партии людей, имеющиеся налицо у начальников над царскими работами, так и отдельные партии, посылаемые из разных областей. Наиболее показателен приказ царя наместнику Юга Синидиннаму о том, чтобы в посылаемой им партии рабочих людей не было «ни одного слабосильного, ни одного старика и ни одного ребенка; пошли только сильных людей». Такой приказ, конечно, не мог относиться к посылке рабов, но вполне понятен по отношению к нарядам на работу общинников. В других документах эпохи древневавилонского царства люди, привлекаемые на царскую работу, названы тем же термином *erin*, *erim*, как и в документах III тысячелетия².

Документы, изданные М. В. Никольским, указывают также, какие работы выполнялись группами *kal* и *arad*. В документах эпохи династии Аккада упоминаются только строительные работы (Ник. II, № 2 и 4). Из эпохи III династии Ура имеется целая группа документов, точно указывающих характер работ *каль-уд*. Из 68 документов этой группы только 11 говорят о земледельческих работах, полевых и огородных, прочие говорят о рубке тростника и терновника, о погрузке и отправке судов, о перевозке и переноске разных грузов, о ремонте и постройке каналов, плотин и водоемов, об оросительных работах, о постройках зданий и проведении дорог, о ремонтных работах во дворце и о специально женских работах—вязании снопов, разливании вина и приготовлении пищи. Остановимся на земледельческих работах. Первое, что здесь бросается в глаза,—это подавляющее преобладание сезонных работ—покоса, жатвы злаков и уборки овощей—в 8 документах; 1 документ говорит о молотье, 1—о помоле зерна, 1—об окапывании овощей и 1—о наряде рабочих «в поле» без обозначения характера работы. Другими словами, основные земледельческие работы—пахота и посев—трудом *kal* не обслуживались. Второе—это незначительная численность партий *kal* на земледельческих работах в сравнении с нарядами на другие работы. 9 документов дают цифры от 12 до 80 человек; и только два говорят о сотнях: № 137—«340 *каль-уд* окапывать овощи» и № 159—«480 и 400 *каль-уд* жать, 333—убирать овощи, 134—молотить». Рабский труд упоминается только в № 144: 75 *gim*—рабынь—посланы вязать снопы.

Таким образом, терминология и содержание документов из Уммы-Гишху, изданных М. В. Никольским, не дают никаких данных в пользу толкования *kal*, выдвигаемого акад. Струве, в смысле рабов—непосредственных производителей, но, напротив, целиком ему противоречат. Противоречат этому также и точные данные, какие у нас имеются о способе применения той многочисленной рабской силы, которая со времени Шульги стала поступать в царство Ура из Элама. Эти «государственные рабы» ставились на строительные работы—на строительство дворцов, храмов, которое в обширных размерах было начато Шульги и стало резко свертываться при его ближайших преемниках, Пурсине и Гимиль-

¹ М. В. Никольский, II, № 145, 164, 141, 147, 174, 146, 161, 153 и многие другие. Акад. Струве считает формулу «п рабочих на п дней» обозначением не реального числа рабочих, а выработанных партией рабочих человекодней. Это в некоторых случаях правильно, например в итоговых подсчетах, а иногда и в других случаях, но при условии, если говорится о «п рабочих на 1 день». В остальных случаях мы имеем дело с обозначением реального числа рабочих и числа дней их работы.

² Ungnad, Bab. Briefe, № 42—48; приказ о наряде только сильных людей—в № 48. Ср. также № 65 и 78—приказы преемников Хаммураби. Термины *erin-erim* в документах древневавилонского царства см. у Рифтина, Старовавилонские документы, № 114, 116, 143.

Сине¹. От Шульги дошло до нас не менее 14 строительных надписей, от Пурсина—уже только 6, от Гимиль-Сина лишь 3; отсюда очевидно, что по мере сокращения притока рабов из военнопленных и покоренных свертывалось и царское строительство².

Однако акад. В. В. Струве, базируясь в основном на табличке из Уммы (Гишху) от 4-го года царя Пурсина, утверждает, что при III династии Ура существовали в Шумере рабовладельческие латифундии³. Разберем этот документ. Табличка содержит годичную сводку заведующего царским хозяйством Лугальгудэ о произведенных за год различных работах трудом нескольких категорий рабочей силы⁴. Были произведены работы по обработке пахотной земли в размере 601 ган, т. е. около 210 га (для латифундии мало), включая пахоту, бороньбу, посев и жатву, затем были произведены работы по рубке и доставке тростника и терновника и работы по осушению полей и ремонту ирригационных сооружений. Работы производились следующими категориями рабочих: 1) 24 арin—«пахарей»,—работавших непрерывно весь год (с тринадцатым вставным месяцем) и выработавших 9 360 человекоднев (24 × 13 × 30); 2) «наймитов», точное число которых не показано, выработавших 393 человекодня; 3) kal, которые были доставлены разными лицами, всего по счету акад. Струве 26 партий, выработавших 2 330⁵/₆ человекоднев; общее число этих kal является предметом спора; 4) «носильщиков», в числе четырех партий,—также от разных лиц,—выработавших 628¹/₃ человекоднев. 24 арin являются, бесспорно, постоянной рабочей силой отчетного царского хозяйства, и, как видно из номенклатуры в сводках отдельных работ, они и были основными работниками на пахоте и посеве⁵. Акад. Струве считает арin рабами; это вполне допустимо, по аналогии с документами из эпохи Урукагины, изданными М. В. Никольским⁶. Что касается kal, то это была категория подсобных рабочих, присылавшихся на время и выработавших всего 2 330⁵/₆ человекоднев, или 20% общего итога в 11 933⁵/₆ человекоднев, т. е. заменивших собою всего 6 человек постоянных рабочих (2 330⁵/₆ при делении на 390 дней дает 5,9). Но акад. Струве считает kal рабами, а число их доводит до 600. Аргументация акад. Струве такая: слагаемые, сумма которых дает 2 330⁵/₆ человекоднев kal, обозначают также человекодни, а не реальную численность партий kal (это возможно); реальную численность каждой партии, на основании «изданных до сих пор сводок», надо якобы считать от 20 до 30 человек; отсюда в 26 партиях kal должно было быть кругло 600 человек; а так как между отдельными хозяйствами патеси (царя?) «имели место взаимные передачи» рабочей силы, то отсюда якобы следует, что эти предполагаемые 600 kal, перебрасываемые с места на место, должны были работать также круглый год,—значит, были оторваны от средств производства, т. е. были рабами.

Совершенно очевидно, что эта аргументация не доказательна. Во-первых, случаи передачи рабочей силы вовсе не доказывают, что передававшаяся рабочая сила состояла из рабов; передаваться могли и партии общин-

¹ King, History of Sumer and Akkad, стр. 291.

² Thureau-Dangin, Les inscriptions de Sumer et Akkad, стр. 268—280 (надписи Шульги), 281—285 (Пурсина), 287—289 (Гимиль-Сина).

³ См. В. В. Струве, Рабовладельческая латифундия в Сумере III династии Ура. Сборн. в честь акад. С. Ф. Ольденбурга; Егоров, Еще раз о рабовладельческой латифундии Сумера III династии Ура. ПИДО (ГАИМК), 1934, № 7—8, стр. 211—222.

⁴ Издана в 1922 г. Genouillac'ом в работе «Textes économiques d'Oumma de l'époque d'Our», за № 5675; кроме этой сводки, изданы здесь же еще шесть: № 5674 и 5676 (работники), 5665, 5668, 5669, 5670 (работницы).

⁵ В отчете сводки о пахоте и посеве рабочие названы не kal, а просто «люди», а в одном месте (столб. III, строка 19)—«пахари», т. е. арin.

⁶ Т. I, № 46—51.

ников. Во-вторых,—и это самое главное—акад. Струве не приводит никаких документальных данных, свидетельствующих о том, что партии *kal*, упомянутые в документе № 5675, действительно непрерывно работали в течение остального времени года в других царских хозяйствах. Наши сомнения еще больше усиливаются, когда мы, исходя из цифры 600 *kal*, определим, сколько дней работы в среднем пришлось, согласно отчету Лугальгудэ, на каждого «раба» из этих 600 «рабов»—непосредственных производителей. Разделив $2\,330\frac{5}{6}$ человекодней на 600, мы получим только около 3,9 дня на человека. Другими словами, если и в других царских хозяйствах каждый из этих 600 «рабов» работал столько же времени, то его должны были перебрасывать в течение отчетного года, за 390 дней, почти 100 раз! Как ни были восточные деспоты расточительны на рабочую силу, все же трудно себе представить, чтобы такой метод использования рабской силы имел место в действительности¹.

Таким образом, рабство в III тысячелетии и в эпоху древневавилонского царства хотя и обнаруживало тенденцию к развитию, но не выходит за те рамки восточного рабства, какие были указаны Марксом и Энгельсом. В последующую, так наз. касситскую, эпоху по существу положение не могло измениться и не изменилось. Касситская эпоха является периодом упадка, наступившего в результате столетних опустошительных вторжений и войн. Частное хозяйство получило за это время тяжелый удар; напротив, общинный быт получил новое подкрепление в результате образования на территории Вавилонии целого ряда новых касситских родоплеменных общин и общин переходного типа². При таких условиях вполне естественно, что рабство в касситскую эпоху не только не получает дальнейшего развития, но даже снижается в сравнении с эпохой древневавилонского царства. Количество документов о рабстве, дошедших до нас из касситской эпохи, чрезвычайно скудно, и это нельзя считать случайным явлением. Завоевательные войны, которые на древнем Востоке всегда искусственным образом расширяли рабство за пределы домашней формы, в касситскую эпоху не велись, и по этой линии притока рабов не было. А общие условия частного хозяйства были таковы, что сами по себе они не требовали расширенного применения рабского труда. Из документов видно, что крупным рабовладельцем был только царь. Так, Кадашман Харбе I послал «в подарок» Аменхотепу III 25 рабов и 25 рабынь³. Но цари и раньше всегда имели в своих дворцах и в своем хозяйстве значительное количество рабов, которое не вызывалось экономической необходимостью, а было одним из составных элементов царской роскоши. Рабство в хозяйстве сановников и жрецов сохраняло типично выраженный домашний характер. Рабы могли быть доверенными агентами своих господ. Раб мог обзаводиться семьей; один из немногих документов о продаже рабов говорит, что в этом случае раб не отделялся от семьи, но продавалась вместе целая семья (мать, ее сын с женой и дочь). Рабы редки и дороги—они при продаже-покупке ценятся на золото⁴.

Незаметно и какого-либо особого развития долговой кабалы, которая была бы связана с деятельностью торгово-ростовщического капитала. Оживление деятельности последнего имеет место с середины XIV в. и идет параллельно с возобновившимся в эту эпоху ростом частного сельского хозяйства. Но это оживление не приводит к таким успехам, какие наблюдаются в эпоху Хаммураби. Количество документов о ростовщи-

¹ Подробнее см. мою рецензию в ПИДО, 1034, № 7—8, стр. 207—210.

² См. мою статью «Община в древнем Двуречье», ВДИ, 1938, № 4(5), стр. 75—81.

³ Knudtzon, Die El-Amarna Tafeln, № 3, строки 30—31.

⁴ Landsberger, Neue Kontrakte aus Babylonien. OLZ, 1926, № 10, Sp. 764 (Chiera, № 162).

ческих операциях и других функциях ростовщического капитала, дошедших до нас из касситской эпохи, начиная с царствования Бурнабуриаша II, довольно скудно по сравнению с эпохой древневавилонского царства и совершенно ничтожно по сравнению с халдейской и персидской эпохами. Главным центром ростовщического капитала был Ниппур, где и раньше орудовали на этом поприще жрецы. Они выдавали ссуды, главным образом зерном, и были особенно безжалостны к неисправным должникам. Задержанных за неуплату долгов заемщиков они эксплуатировали двояким способом—или на кабальной работе, или посредством передачи должников так наз. поручителям. Часть кабальных должников должна была работать на храм и содержалась в особом рабочем доме; других жрецы эксплуатировали в своем личном хозяйстве¹. Эксплоатация при посредстве «поручителей» заключалась в том, что поручитель вносил за задержанного должника условленную сумму в серебре, а ростовщик «освобождал» задержанного, передавая его в распоряжение «поручителя». Но этот акт вовсе не обозначал настоящего освобождения; последнее наступало только тогда, когда освобождаемый раздобывал деньги, обычно посредством займа у другого ростовщика, и вносил их своему первому кредитору. Такие же формы эксплуатации долговых рабов применял и светский ростовщический «дом» Набу-Шаррах². Таким образом, и в касситскую эпоху рабство по сравнению с предшествующим периодом не претерпело существенных изменений.

II. Рабство в Ассирии и халдейском Вавилоне

Если теперь мы обратимся к рассмотрению рабства в Ассирии и в халдейском Вавилоне, то и тут перед нами выступают с некоторыми вариантами те же специфические черты древневосточного рабства.

Историю Ассирии теперь приходится начинать с истории образования ассирийского народа на будущей территории Ассирийского царства. Эта территория в III тысячелетии была заселена разными племенами, отчасти семитскими, в том числе выходцами из области Аккада, отчасти племенами, родственными племенам малоазиатского нагорья. В III тысячелетии на территории будущей Ассирии, на горных склонах к востоку от будущего Ашшура, существовал город Нузи, основанный, повидимому, аккадскими выходцами. Раскопки на месте этого города (около теперешнего Керкука), произведенные после войны, дали очень значительный и чрезвычайно интересный документальный материал, главным образом юридического, а отчасти хозяйственного содержания. Часть этого материала датируется приблизительно эпохой династии Аккада, т. е. серединой III тысячелетия; но большая часть относится к середине II тысячелетия, когда ассирийские области между Евфратом и Загроз подверглись сильнейшему хурритскому влиянию³. В документах из Нузи мы находим значительный материал о рабстве в III и особенно во II тысячелетии. Кроме того, некоторые дан-

¹ Meissner, *Babyl. und Assyri.*, т. I, стр. 376, со ссылкой на Clay, *Documents from the Temple Archives of Nippur*, dated in the Reign of Cassite Rulers.

² См. у Clay, № 135, цитирую по Mendelsson, *Legal Aspects of Slavery in Babylonia, Assyria and Palestine*, стр. 12—13. Об эксплуатации долговых рабов Набу-Шаррахом—см. Peiser, *Urkunden aus der Zeit der dritten babylonischen Dynastie*, AO № 4072, 4067; P. 87, 102, 115, 116, 121.

³ Об образовании ассирийского народа, языка и культуры ср. Contenau, *Les tablettes de Kerkouk*; общие сведения о стране Субару, Нузи, хурритах—см. его же, *La civilisation des Hittites et des Mitanniens*, стр. 77 сл. Публикация документов—см. OLZ, 1936, III, Sp. 149 сл. и цитируемое ниже издание Pfeiffer-Speiser.

ные о рабстве имеются в известных каппадокийских документах конца III тысячелетия, а также в документах из той же эпохи, открытых недавно в Мари. Наконец, к последней четверти II тысячелетия относится сборник ассирийских законов, в котором также есть материал о рабстве. Указанные данные характеризуют начальный период в истории ассирийского рабства.

Ассирийское рабство этого периода не представляет собою какой-либо единой системы. В каждом из указанных выше разрозненных центров оно появляется в своем варианте. Так, в Мари, цари которого во второй половине III тысячелетия совершают много военных походов, рабы, преимущественно женщины, пригоняются в качестве добычи вместе со скотом. Часть рабов цари раздают храмам и сановникам, остальные оставляются в царском дворце. Царские рабы работали в различных мастерских: рабыни—в ткацких мастерских, рабы—в гончарных и литейных мастерских, обслуживая нужды дворцового хозяйства¹. Несомненно, что, кроме того, значительное число рабов и рабынь обслуживали все прочие нужды дворцового быта. Эти отрывочные данные не дают полной картины; у нас нет пока никаких данных о применении рабов в храмовых и частных хозяйствах царства Мари. Гораздо полнее и интереснее документы из Нузи. Они дают возможность проследить до известной степени развитие рабства в этой части Ассирии.

Документы III тысячелетия из Нузи дают сведения, аналогичные тем, какие мы имеем из лагашского фонда той же эпохи. Рабов немного; они приобретаются через дамкаров у лулубеев в горах Загра, где, повидимому, бедные горские племена вынуждены были продавать детей в рабство в обмен на насущный хлеб. Основной рабочей силой в Нузи были, как и в Шумере, общинники, с одной стороны, как поставщики ренты-налога, с другой стороны—как непосредственные работники «на дом царя»². Через тысячу лет, в середине II тысячелетия, дело значительным образом изменяется: начинается частичное разложение общины и в связи с этим рост рабства.

О характере рабства в Ассирии во II тысячелетии говорит сборник ассирийских законов, составленный в XIII—XII вв. Как известно, этот сборник не является полным официальным кодексом ассирийских законов³; его составитель в силу каких-то неясных для нас соображений интересовался исключительно семейным правом и в особенности положением женщины. В сборнике в составе семьи рабовладельца—сановника или жреца—выступают просто рабыни (*amtu*), которые в отличие от прочих женщин семьи не носят покрывала (§ 41), а также некие *esirtu*. *Esirtu*—это либо наложница, либо наложница, формально сделанная женою (§ 41, 42); по смыслу закона она—из рабынь, вероятнее всего, из ранее свободных знатных женщин, взятых в плен при завоевании⁴. Дети *esirtu* наследуют только при отсутствии детей от свободной. Другие рабы и рабыни являются также членами семейной общины, как показывает значение термина *nišutu*=римск. *familia*, ибо в *nišutu* входили, кроме родных, также рабы купленные и рабы из военнопленных⁵. Один из параграфов ассирийских законов

¹ Ср. Д о с с е н, Хозяйственные архивы дворца Мари. ВДИ, 1940, № 1, стр. 38—39; «Syria», 1937, кн. I, стр. 75—80, 68.

² См. OLZ, 1936, III, Sp. 150.

³ Ср. E h e l o l f - K o s c h a k e r, Ein altassyrisches Rechtsbuch, стр. 14—15; правильные поправки сюда и обзор других мнений см. у C r u v e i l h i e r, Recueil des lois assyriennes, II, стр. 339—341, 22—23.

⁴ Эгелольф не понял значения *esirtu*; Эбелинг (в «Altorient. Texte zum Alten Testament», hrsgg. v. Gressmann, II. Aufl., стр. 418) дает осторожный перевод: Haremsfrau; ср. правильный анализ у C r u v e i l h i e r, цит. соч., I, стр. 214—215.

⁵ Ср. цитацию у M u s s - A r n o l t, Assyrisch-englisch-deutsches Wörterbuch, стр. 738.

очень ярко подчеркивает этот домашний характер рабства: бывали случаи, когда госпожа совместно с рабами обкрадывала своего мужа (§ 4).

В половине II тысячелетия появляются признаки, свидетельствующие о расширении рабства за патриархально-домашние рамки в сторону эксплуатации рабского труда для извлечения товарного прибавочного продукта. Из Нузи дошел из этой эпохи небольшой, но чрезвычайно интересный архив некоей Тулпунаи (Tulpuṇai), принадлежавшей к знатной хурритской фамилии. Эта дама, жена некоего Хашуара (Hašuar), самостоятельно вела свои дела и самым энергичным и циничным образом приумножала свои личные владения. Она покупала поля, сады и приобретала всяческими способами рабов и рабынь, очевидно в соответствии с расширением своего хозяйства. Эта стяжательная деятельность Тулпунаи была тесно связана с разорением общинников Нузи. Самый способ, посредством которого производилась продажа, свидетельствует о том, что в продажу шли не частновладельческие участки, а участки из общинного владения, не подлежащие отчуждению посредством продажи. Продажа облекалась в «законную» форму «усыновления» покупателя продавцом, который после «усыновления» имел право «передать» соответствующее поле или сад усыновленному «как наследственную долю», формально не нарушая принципа общинного владения¹.

Но самые интересные акты—это документы о приобретении рабов или о порабощении свободных людей разными способами. Прямой формой покупки, без всяких маскировок, Тулпунаа приобрела всего одного раба (№ 37) и одну рабыню; последняя, Амарша или из Хабиру, вошла в ее дом «как рабыня» (№ 40), подобно целому ряду рабов и рабынь из племени Хабиру, которые в эту эпоху фигурируют в Нузи². Подавляющее большинство вновь приобретенных Тулпунаей рабов принадлежало к числу тех же разоренных общинников. Одна группа состояла из «усыновленных» Тулпунаей людей, которых нужда вынудила продаться в рабство. Повидимому, в Нузи, как и в Израиле, существовал обычай, запрещающий прямую продажу или самопродажу в рабство общинников из местного населения. Но «закон» или, вернее всего, суд, верный блюститель интересов рабовладельцев, пришел последним на помощь и ввел процедуру «усыновления» приобретаемых людей. Так, некая Шитинка отдает самое себя и своего брата в «удочерение» Тулпунае (№ 23), мать отдает дочь «в дочери» (№ 30, 42), отец отдает дочь в «дочери» (№ 34). «Удочерение» здесь является только лицемерной формой; в документах цинично подчеркивается, что дело идет именно о порабощении. Новоиспеченная «мать» оговаривает свое право отдать «дочь» в жены по очереди своим рабам, до одиннадцатого (!) мужа включительно (№ 23) или до третьего-четвертого мужа «и дальше» (№ 30, 42), т. е. до бесконечности; пока это условие не выполнено, «дочь» не может уйти от «матери». За купленных таким образом рабынь и рабов производилась уплата, иногда упоминаемая в документах (№ 30—в серебре, № 42—натурой). Попытки двух закабаленных таким образом девушек вернуть себе свободу посредством возбуждения судебного иска к Тулпунае кончились, как и следовало ожидать, проигрышем дела—суд вернул истца в рабство (№ 31, 33, 43, 44). Фактически такие «удочеренные» становились рабынями, а их потомство от рабов госпожи уже формально объявлялось рабами (№ 32, 34).

¹ См. Pfeiffer and Speiser, One hundred new selected Nuzi Texts. Annual of the American School of Oriental Research, vol. XVI, стр. 61—63 и документы № 1—14 и 15—22.

² См. о рабах Хабиру, OLZ, 1936, III, стр. 154—155, со ссылкой на тексты из Нузи, изд. Chiera.

Другая группа вновь приобретенных Тулпунаей рабов принадлежала к числу так наз. *ditennu* (*tideppu*), т. е. временных рабов. Эта группа принадлежала к категории долговых рабов. Из документов видно, в какие безвыходные для должников формы выливалось в Нузи долговое рабство, очевидно, вследствие того, что там не было никакой законодательной нормировки срока долговой кабалы. Договоры о *ditennutu* заключаются на самые разные сроки—6, 10, 20, 50 лет (№ 27, 24, 28, 25) и вообще без срока: один должник закабалил сам себя за 11 имеров ячменя, «пока не отдаст» (№ 26). Ясно, что в последнем случае дело обстояло безнадежно; поскольку должник должен был работать уже не на себя, а на заимодавца, и вряд ли мог заработать средства на выкуп. Но и срочные договоры, кроме, может быть, № 27 (закабален сын должника на 6 лет с правом уходить на работу к отцу за уплату господину мины меди в день), также не сулили надежды на освобождение. По условию договора № 24, освобождение сына, отданного отцом в рабство, наступает через 10 лет, но в том случае, если будет возвращен Тулпунае «раб», которого она символически передала отцу закабаленного, т. е. при условии замены кабального другим рабом, что вряд ли было выполнимо. Сроки 20 и 50 лет были, несомненно, чисто формальными, обозначая по существу пожизненное рабство. Фактически *ditennu* по окончании срока кабалы силою обстоятельств вынуждался объявить себя окончательно рабом, как, например, об этом свидетельствует № 29¹. О том же говорит и практика продажи *ditennu*; долг, очевидно с надбавкой, уплачивался кредитору третьим лицом, и тогда *ditennu* переходил в рабство выкупавшему его лицу (№ 45). Тулпунаа была только одной из многих других рабовладельцев, подвизавшихся в Нузи этой эпохи на поприщах ростовщичества и «усыновления» рабов². Следует отметить, что способы порабощения, применявшиеся в Нузи, не были только местным обычаем. Со способами порабощения в форме «усыновления» и в форме *ditennutu* до «выплаты» долга мы встречаемся также в каппадокийских документах III тысячелетия³.

Из разобранных документов видно, что классовые взаимоотношения в Нузи в середине II тысячелетия имели известное сходство с классовыми взаимоотношениями в Вавилонии конца III тысячелетия. Однако в Нузи перед нами выступает черта, которая все же существенным образом отличает общество Нузи середины II тысячелетия. Эта черта заключается в том, что в хурритской части общества Нузи еще крепко держатся традиции материнского права. Те права на самостоятельное ведение хозяйства и на самостоятельное владение имуществом, какие в Вавилонии по кодексу Хаммураби сохраняются лишь за определенной категорией жриц, в Нузи сохраняются за любой замужней женщиной. Имеются также некоторые отзвуки древнего братско-сестринского права (например в № 23, 30), восходящие также к эпохе материнских родов. Эта черта заслуживает специального исследования.

О ранних формах рабства в древнейшем центре самой Ассирии, Ашшуре, у нас имеются лишь отрывочные сведения. Мы находим их в каппадокийских документах, в которых, кроме указаний на некоторые способы порабощения, вскрываются также некоторые формы применения рабского труда. Тут в качестве рабовладельцев выступают исключительно дамкары;

¹ Аналогично постановлению о долговых рабах, отбывших шестилетний срок. в кн. «Исход», XXI, 1—6.

² Ср. документы, изд. Chiera, OLZ, 1936, III, стр. 152. Pfeiffer-Spreiser. № 51—59 («усыновление» рабов и рабынь), 60—63 (*ditennutu* на сроки 5, 10 и 20 лет).

³ Ср. Landsberger, Assyrische Handelskolonien in Kleinasien, стр. 33 (об удочерении; удочеренная входит в домашнюю общину—*nišutu*—хозяина) и стр. 29 (кабала на 5 лет и до «выплаты»).

т. е. представители торгово-ростовщической группы. Принадлежащие им рабы применяются для домашних работ и услуг; из среды рабов выделяются доверенные рабы господина, которым поручается управление домашним хозяйством господина в Ашшуре во время отъездов господина в Каниш, а также торговые агенты, или приказчики. Такого рода доверенные рабы, как показывает традиция кн. Бытия, встречаются еще в эпоху патриархального рабства; с такими же рабами—шамаллу—мы встречаемся и в Вавилоне эпохи первой династии. Наконец, из рабов формируются отряды носильщиков, погонщиков и вооруженных людей, сопровождающие господина во время его караванных путешествий из Ашшура в Каппадокию и обратно¹. О формах применения рабского труда в хозяйстве ассирийских сановников и храмов в III и первой половине II тысячелетия у нас определенных сведений пока не имеется.

Рабство в Ассирийском царстве с конца II тысячелетия и до конца существования Ассирийской державы также не может быть охарактеризовано с тою же полнотой, как рабство в Двуречье III—II тысячелетия, вследствие скудости соответствующего документального материала. Мы располагаем для истории Ассирийской державы огромным материалом царских надписей; но эти последние, заключая в себе богатый материал для характеристики ассирийской хищнической завоевательной политики и администрации, довольно скудны данными, касающимися хозяйственных и общественных отношений. Поэтому и о рабах мы находим там сравнительно немного замечаний; однако скудость последних выкупается их недвусмысленной ясностью. Данные надписей дополняются точными данными небольшого количества деловых документов, найденных до сих пор при раскопках ассирийских городов, и данными из переписки ассирийских царей VIII—VII вв. В указанных документах и письмах говорится о сделках на рабов, о применении рабского труда, о взаимоотношениях между господами и рабами.

В эпоху великой Ассирийской державы наблюдается быстрый количественный рост рабов в Ассирии. В рабство тогда обращались целыми тысячами не только военнопленные, но также жители ряда побежденных городов и даже областей. В Ниневии образовался рабский рынок, откуда значительные партии рабов отправлялись и в Вавилонию. Что касается применения рабского труда, то из царских надписей мы узнаем, что ассирийские цари заставляли военнопленных носить *allu* и *dupšikku*, т. е. корзины (мешки) рабской работы и головные повязки (шапки) рабов, и сгоняли военнопленных главным образом на строительные работы. Эту рабскую эксплуатацию военнопленных иллюстрируют куюнджикские рельефы из дворца Санхериба. Массы рабов эксплуатируются на переноске и перевозке тяжестей, на строительных работах, на резке тростника, затем, повидимому, на выделке кирпичей, на проведении дорог и каналов. Некоторые группы рабов изображены закованными в кандалы—это те, которые пытались восставать против поработителей². Значительные партии рабов должны были поступать в ассирийские храмы, поскольку царь из добычи всегда отдавал солидную долю «богам».

В связи с таким пригоном рабов должно было увеличиться число рабов также и у частных владельцев. Тут мы точно осведомлены только о числе

¹ Landsberger, op. cit., стр. 17—18, 25, 31. Ср. кн. Бытия, гл. 24—известная новелла о доверенном рабе Авраама, управлявшем «всем домом» последнего, когда Авраам состарился.

² Ср. сводку изобразительного материала у Lepoint, Histoire ancienne de l'Orient, т. V, стр. 92—95; в царских надписях—см. KB, I, стр. 68—69, II, 48—49; цитаты у Delitzsch, Assyrisches Handwörterbuch, стр. 70, 319; Meissner, op. cit., т. I, стр. 113—114, 139, 245.

царских рабов. Царь вообще был крупнейшим частным рабовладельцем, поэтому цифры, относящиеся к численности царских рабов, должны быть особенно показательными. Из одного адресованного Саргону письма оказывается, что в царском дворце в Экаллате числилось по списку взрослых мужчин-рабов 370 человек¹. Если мы учтем, что дворец в Экаллате был не самым крупным дворцом Саргона и что, кроме рабов, в каждом дворце был еще огромный штат рабынь, то общее число рабов, принадлежавших Саргону, надо определять в 3—4 тыс. «душ» (*paršate*). Рост числа рабов у сановников лучше всего характеризуется документами о продаже рабов. Так, часто встречаются документы о продаже рабов целыми партиями, от 10 до 20 человек, обычно семьями². Но последнее обстоятельство свидетельствует также о том, что частновладельческое ассирийское рабство этой эпохи сохраняло еще черты прежнего домашнего рабства. С этой стороны интересно отметить, что в царской переписке идет речь прежде всего не о рабах, а о рабынях—о доставке рабынь во дворец, о любимых рабынях царя, о доверенных рабынях (вероятно, *esirtu*) сановников³. Другие документы говорят о покупке рабыни, которую покупательница отдает в жены сыну, о покупке рабынь для дворца Санхериба⁴. Рельефы на стенах и воротах царских дворцов преимущественно изображают сцены также из домашнего рабства. Перед нами проходят сцены пригона рабынь и скота в качестве военной добычи, рабы-постельники, мясники, повара, рабы и рабыни на работах во дворе и в садах дворцов⁵. Но одновременно наблюдается известное расширение рабства за пределы домашней формы. Как и раньше, из категории домашних рабов, принадлежащих купцам и ростовщикам, выдвигаются рабы-приказчики и рабы-управляющие господским хозяйством. Но теперь такие рабы имеют своих рабов, покупают и продают земельные участки, выступают на суде в качестве свидетелей⁶. Далее встречается несколько чрезвычайно важных сведений о рабах в сельском хозяйстве. Рабы продаются вместе с землей, в качестве живого рабочего инвентаря⁷; эти факты дают право утверждать, что рабский труд в Ассирии IX—VII вв. проник в основную отрасль производства—земледелие. При этом имеются замечания, что рабы обрабатывают землю или «самостоятельно или под чужим надзором». Отсюда возникает вопрос о разграничении здесь роли долгового рабства, также существовавшего в Ассирии⁸, и рабства военного происхождения.

Расширение рабства в Ассирии VIII—VII вв. не могло не привести к обострению классовой борьбы. У нас нет прямых данных о восстаниях рабов; но, как уже было указано выше, строптивые рабы за неповиновение господам заковывались в кандалы, и отсюда можно заключить, что рабы поднимали открытые бунты против господ. Несомненно также, что рабы участвовали в восстаниях покоренных племен. В этом отношении очень интересно одно донесение Ашшурбанипалу о заговоре людей Саси (в Харране), готовящих восстание против царя: в донесении упоминается в качестве одной из руководительниц рабыня из Бит-Саси, не названная

¹ Waterman, *Royal Correspondence of the Assyrian Empire*, P. I, № 99.

² KB, IV, стр. 120—121, № IX, стр. 122—123, № X1, стр. 124—125, № II, стр. 130—131, № IX, стр. 134—135, № III.

³ Waterman, *op. cit.*, P. I, № 12, 99, 211, 220, 341.

⁴ См. Tiele, *Babylonische-Assyrische Geschichte*, I. Teil, стр. 506 и примеч. 3 (ссылка на документы), изд. Oppert-Menant и Smith.

⁵ Ср. рельефы из Ниневийского, Калахского и других дворцов и с ворот в Балавате—Lepoint, *op. cit.*, IV, стр. 197 и V, стр. 32 (военная добыча), IV, стр. 365, V, стр. 124, 125, 127, 132 (домашние рабы).

⁶ См. сводку у Meissner, *op. cit.*, I, стр. 381—382.

⁷ KB, IV, стр. 134—135, № III и сводка у Мейсснера, стр. 381—382.

⁸ Ср., например, KB, IV, стр. 138—141, № VII.

по имени¹. Отсюда можно думать, что в подготовке крушения Ассирийской державы борьба ассирийских рабов сыграла значительную роль. После уничтожения Ассирийской державы в конце VII в. мидянами и халдеями временный расцвет рабского хозяйства в Ассирии быстро сходит на-нет.

О рабстве в Вавилонии халдейской и персидской эпохи имеются многочисленные документальные данные. В период завоеваний Навуходоносора наблюдается значительный количественный рост рабства.

Главнейшими эксплуататорами рабской силы в халдейскую и персидскую эпоху были вавилонские ростовщики, купцы и особенно жрецы. Так например, халдейский царь Набонид подарил 2.350 военнопленных богам Белу, Небо и Нергалю, т. е. жрецам храмов этих богов². Появились некоторые новые формы эксплуатации рабского труда, из которых наиболее важной является предоставление рабу самостоятельной ремесленной мастерской или земельного участка с обязательством уплаты определенного оброка (*mandattu*) натурой или серебром³.

Рост рабства в халдейском Вавилоне, так же как и в Ассирии, содействовал революционизированию рабов. Эфемерность Халдейской державы чувствовалась и внутри ее и за ее пределами, и это обстоятельство поднимало дух и волю к борьбе всех угнетенных. О боевых настроениях рабов свидетельствует любопытная деталь, часто повторяющаяся в документах на продажу рабов в VI в. Именно, продавец дает гарантию покупателю «против бунта и за повиновение» продаваемого раба⁴. К сожалению, общие замечания о восстаниях, имеющиеся в надписях халдейских царей, не дают возможности учесть степень участия рабов в этих восстаниях.

В итоге наш обзор показывает, что господствующей формой рабства в древнем Двуречье оставалась домашняя форма и лишь в некоторые эпохи рабство выходило за рамки этой формы. Основным тормозом на пути развития древневосточного рабства, как указывает Маркс, была община. Документальные данные целиком подтверждают высказывание Маркса, что «при азиатской форме» (общинной собственности)—«рабство не подрывает здесь условий труда и не видоизменяет существо отношения»⁵. Но вместе с тем и само рабство не имеет здесь возможности для своего полного развития, как это было в Греции и Риме.

¹ Waterman, P. II, № 1217.

² Meissner, op. cit., т. I, стр. 68.

³ Kohler-Ungnad, op. cit., № 3, 56; KB, IV, стр. 266—267, № IV; Meissner, т. I, стр. 231, 385.

⁴ KB, IV, стр. 292—293, № XII, 230—231, № XXVI, 190—193, № XVII, 122—123, № XVIII и др.

⁵ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, «Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 166—167.

